

Особливо це стосується намагання УПЦ МП зайняти привілейоване положення і заручитися підтримкою держави на законодавчому рівні.

2. Досить значний показник, пов'язаний із реформуванням богословської (православної) освіти (впровадження Болонського процесу, кадрове забезпечення, інноваційні технології навчання), що з одного боку, наближає богословську освіту до світових і європейських освітніх стандартів, а з іншого, поглиблює секуляризацію церковно-релігійного середовища, втрачаючи насамперед духовну складову підготовки священнослужителів.

3. Слід відзначити невеликий показник за категорією “Місія духовної освіти”, що також вказує на посилення процесу секуляризації церковно-релігійного середовища. Хоча матеріали УПЦ КП більш за все спрямовані на питання виховної роботи в духовних ВНЗ, приділяючи більше уваги духовній складовій богословської освіти.

Список використаних джерел

1. Бедь В., прот. Проблеми розвитку богословської освіти в духовних навчальних закладах Української Православної Церкви в умовах запровадження Болонського процесу в освітньому просторі України / В. Бедь // Доповідь на пленарному засіданні перших Покровських міжнародних просвітницьких читаннях (16 жовтня 2007 року, м. Київ). – 11 с.

2. Добренков В. И. Методы социологического исследования : учебник / Добренков В. И., Кравченко В. И. – М. : ИНФРА–М, 2006. – 768 с.

3. Лагодич М. Духовна освіта в Україні: сучасний стан і перспективи // Актуальні питання релігієзнавчої та богословської думки: Колект. монографія / за ред. В. О. Балуха / Лагодич М. – Чернівці : Чернівецький нац. ун-т, 2010 – С. 229–246.

4. Концепція вищої духовної освіти Української Православної церкви [Електронний ресурс] / Українська Православна Церква. – Режим доступу до журн. : <http://orthodox.org.ua/article/>.

5. Митрополит Бориспільський Антоній (І. Паканіч) Принципи розвитку православної богословської освіти в Україні на сучасному етапі // Доповідь на конференції “Богослов'я в Україні: організаційний та освітньо-науковий контекст” (Київ, 2–3 квітня 2013) [Електронний ресурс] / Митрополит Бориспільський Антоній (І. Паканіч). – Режим доступу до журн. : <http://mitropolia.kiev.ua/principi-rozvitku-pravoslavnoi-osvity/>.

References

1. Bed V., prot. Problemy rozvytku bohoslavskoj osvity v duchovnyh navchalnyh zakladach Ukrajinsojij Pravoslavnojij Cerkvy v umovach zaprovadzhenja Bolonskoho procesu v osvituomju prostori Ukrajinu (Problems of development of theological education in religious schools Ukrainian Orthodox Church under introduction of the Bologna process in the educational space Ukraine) / V. Bed. // Dopovid na plenarnomu zasidanni pershyh Pokrovskyh mizhnarodnyh prosvitnyckych chytannach (16 zhovtna 2007 roku, m. Kyev). – 11 s.

2. Dobrenkov V. I. Metody sociologicheskogo issledovanija: Uchebnik (Methods of sociological research: Tutorial) / Dobrenkov V. I., Kravchenko V. I. – M. : Infra–M, 2006. – 768 s.

3. Lagodich M. Duchovna osvita v Ukrajinі: suchasnyj stan I perspektivy (Theological education in Ukraine: Current State and Prospects) // Aktualni pytanna religijeznavchoj ta bohoslavskoj dumky: Kolekt. Monohrafia / Za red. V. O. Balucha / Lahodych M. – Chernivci: Tcherniveckyj nac. un-t, 2010. – S. 229–246.

4. Konceptia vyschoj duchovnoj osvity Ukrajinsojij Pravoslavnojij cerkvy (The concept of higher theological education Ukrainian Orthodox Church) [Elektronnyj resurs] / Ukrajinaska Pravoslavna Cerkva. – Rezhym dostupu do zhurn. : <http://orthodox.org.ua/article/>.

5. Mytropolit Boryspolskij Antonij (I. Pakanich) Prynecyru rozvytku pravoslavnoj bohoslavskoj osvity v Ukrajinі na sutchasnomu etapi (Principles of Orthodox theological education in Ukraine today) // Dopovid na konferencii “Bohoslovja v Ukrajinі: organizacijnyj ta osvituomju naukovyj kontekst” (Kyev, 2–3 kvitna 2013) [Elektronnyj resurs] / Mytropolit Antonij (I. Pakanich). – Rezhym dostupu do zhurn. : <http://mitropolia.kiev.ua/principi-rozvitku-pravoslavnoi-osvity/>.

Popovych V. M., Ph.D., assistant professor of “Social Work”, Zaporizhzhya National Technical University (Ukraine, Zaporozhye), popovic.vasil@rambler.ru

Orthodox theological education in Ukraine, the analysis of current problems

In this research there have been considered some organizational and institutional aspects of the orthodox theological education in Ukraine. Here are derived the results of the content-analysis of scientific materials of key Ukrainian specialists in religious studies, articles, official reports, interviews with priests and leaders of the Ukrainian Orthodox Church of the Moscow and of the Kyiv patriarchates (UOCh of MP and UOCh of KP).

Keywords: religious education, orthodox education, orthodox-religious (spiritual) education, content-analysis.

Попович В. М., кандидат философских наук, доцент кафедры “Социальной работы”, Запорожский Национальный Технический Университет (Украина, Запорожье), popovic.vasil@rambler.ru

Православное духовное (богословское) образование в Украине: анализ современных проблем

Рассмотрены организационные и институциональные аспекты православного духовного (богословского) образования в Украине. Приведены результаты контент-анализа научных материалов ведущих украинских религиоведов, статей, официальных сообщений, интервью священнослужителей и руководителей Украинской Православной Церкви Московского и Киевского патриархатов (УПЦ МП и УПЦ КП).

Ключевые слова: богословское образование, православное образование, православное богословское (духовное) образование, контент-анализ.

* * *

УДК 930.85

Сазонов Д. И.
протоиерей, кандидат богословия, докторант,
Общecerковная аспирантура и докторантура
им. святых Кирилла и Мефодия
(Россия, Москва), sazonow63@mail.ru

Последствия реформы приходского управления, принятой на Поместном соборе 1961 года, как культурологической трагедии России

В результате давления государства Церковь в 1961 году вынуждена была пойти на реформу, целью которой отстранение настоятеля от управлением приходом. В результате антирелигиозной кампании закрывались храмы и монастыри, чем был нанесен непоправимый ущерб не только историческому наследию России, но ее этнографическому стержню – деревне. Несмотря на гонения, Церковь выстояла и на Поместном соборе 1988 года был принят Устав, по которому управление возвращалось в церковные структуры и благодаря которому стал возможен новый тип взаимоотношений Церкви и государства.

Ключевые слова: церковь, реформа приходского управления, государство, Поместный собор, гонения, верующие.

(статья друкється мовою оригіналу)

Последствия реформы приходского управления 1961 года проходили с учетом выводов, сделанных в предыдущих церковных компаниях. Но одна черта объединяет их всех – власть стремилась уничтожить Церковь руками самих церковников: “Для того, чтобы не вызвать каких-либо осложнений между церковью и государством, многие мероприятия проводить церковными руками [1, с. 244].

Проводилась реформа под предлогом восстановления законодательного постановления ВЦИК и НК РСФСР 1929 года “О религиозных объединениях”, которое устраняло священнослужителей как лиц, лишенных избирательных прав от участия в хозяйственных делах религиозных общин. Но с принятием в 1936 году Конституции СССР, восстановившей права гражданства священнослужителей с предоставлением всем гражданам одинаковых прав, возникло противоречие, при котором права верующих игнорировались [19, с. 159]. Так,

с восстановлением положений постановления ВЦИК от 29 года фактически закладывался фундамент антагонистических отношений в обществе по отношению к верующим, они становились людьми “второго сорта”.

Принятое Священным Синодом под давлением Совета по делам РПЦ постановление об отстранении священнослужителей от хозяйственных дел в приходах от 18 апреля 1961 года ввиду несогласия многих иерархов было продублировано и утверждено 18 июля на Архиерейском соборе [19, с. 391–393]. Но были и те, кто начал проведение реформы в своих епархиях сразу же после Синодального постановления. Так, например, в циркуляре архиепископа Калининского и Кашинского Иннокентия от 9 мая 1961 года, направленном в адрес всех настоятелей епархии, говорится: “По ознакомлении... сделать Постановление о передаче Вами своих полномочий председателя приходского Совета церковному старосте и о вступлении последнего к исполнению обязанностей приходского Совета и о принятии на себя ответственности совместно с прочими членами за целостность и сохранность имущества, согласно договора. С данного момента настоятель не состоит и членом приходского Совета” [14, с. 53, 163].

В результате реформы настоятели приходов оказались в положении наемных лиц у церковного совета (исполнительного органа общины). В связи с реформой власть епархиального архиерея (патриарха) минимизировалась до такой степени, что не только управляемость приходами, т.е. регистрация священника на приходе зависела от местного уполномоченного и от исполнительного органа храма, но и в случае отказа в регистрации приход становился подведомственным не епархии, а государству. В указах о назначении священника на приход некоторых епархиальных архиереев была формулировка “по договоренности с Исполнительным органом вышеозначенного храма” [16, с. 4].

Священнослужители подписывали с исполнительным органом власти договор, в одном из пунктов которого значилось, например: “За совершение церковных служб в храме, а также за причащение больных на дому, священник лично не получает никаких вознаграждений за прихожан. За нарушение вышеизложенного священник несет персональную ответственность” [17, с. 5].

Некоторые договора были составлены с церковной точки зрения безграмотно: “Диакон Баслык обязуется совершать службы и исполнять требы, за что получает твердый оклад 300 рублей в месяц” [18, с. 6]. Церковному человеку понятно, что диакон не может совершать требы, которые являются неотъемлемой обязанностью епископа и священника. Права старост очень точно в своем романе описал архимандрит Иоанн (Экономцев): “Елизавета Ивановна полновластно решала, сколько заплатить священнику, сколько положить себе в карман (об этом умолчим!), сколько передать в конвертах таинственным лицам, от которых зависит ее пребывание на этой должности, сколько перечислить в местный бюджет, в Фонд мира и сколько, наконец, на поддержание предприятия” [23, с. 38].

В воспоминаниях архиепископа Никона (Фомичева) читаем: “Духовенство оказалось в полном подчинении у старост, которые нередко творили полный произвол. В калужском кафедральном соборе, например, староста отменила все крестины – они совершались только во

втором, Никольском храме<...>старосты возомнили себя “князьками” Церкви. Без их согласия священник или епископ не мог принять на работу или уволить даже уборщицу в храме. На собрание, избиравшее церковный совет, духовенство не допускалось. Решать, какой быть церковной общине мог атеист, а священник не имел на это права...” [9, с. 30–31] Все члены исполнительных органов перед вступлением в должность проходили инструктаж у местных уполномоченных, им подробно объяснялись их права и обязанности [11].

Духовенство восприняло реформу приходского управления неоднозначно. Например, священник Костромской епархии по поводу реформы заявил: “С этой перестройкой я, как настоятель превратился в половую тряпку, которой можно лишь подтереть пол. Никому не имею права ничего приказать. К ящику не подходи, мною могут командовать всякие старухи” [4, с. 19]. В докладной записке, адресованной епископу благочинный Буйского округа, кандидат богословия Винцукевич писал: “...в свете вышеуказанного постановления роль и значение настоятеля если не абсолютно утратили силу, то несомненно сократило его авторитет до предела... При настоящем положении выражение “настоятель” звучит черной иронией, ныне он наемник в полном значении этого слова, а наемник не может быть руководителем, а отсюда и настоятелем” [4, с. 19].

Но, сказать, что такое положение дел было на всех приходах и во всех епархиях было бы неправильно. Многие священники не опустили руки, они не “сдались на милость победителям”. Услышав слова Святейшего Патриарха Алексия I, что “умный священнослужитель, благоговейный совершитель богослужений и, что весьма важно, человек безукоризненной жизни, всегда сумеет сохранить свой авторитет на приходе. И будут прислушиваться к его мнению, а он будет спокоен, что заботы хозяйственные уже не лежат на нем, и что он может полностью отдаться духовному руководству своих пасомых” [3, с. 6], они восприняли их как руководство к действию. Период становления реформы был тем удобен, что в исполнительных органах власти не было опыта ведения дел, да и многие из власти придерживались на местах допускали “робость, нерешительность, что в известной мере объяснялось новизной дела и неопытностью отдельных работников в этом вопросе” [4, с. 19]. Некоторые священники, внешне выполняя директивы власти и фактически руководствуясь директивой Патриарха, продолжали руководить приходами. Так, уполномоченный по Костромской области в своем докладе жаловался, что настоятель Костромского кафедрального собора Соболев продолжал оказывать влияние на деятельность исполнительного органа. Таким же влиянием на исполнительный орган пользовались священники из с. Борок, Буйского р-на, и с. Любовниково, Костромского р-на, соответственно Попов и Армянский. После вмешательства уполномоченного Соболев и Армянский уволены за штат, а Попов получил последнее предупреждение [4, с. 19]. Но власть проводила свои директивы целенаправленно. В Совете по делам РПЦ с конца 1950-х годов начался процесс постепенного “очищения” от сотрудинок, сочувствовавших религии.

Неоднозначно, лишь только отрицательно была воспринята реформа и духовенством. Были среди духовен-

ства те, кто поддерживал реформу. Так, на Поместном соборе 1988 года архиепископ Иркутский и Читинский Хризостом дал положительную характеристику приходской реформе 1961 года, обозначив, что: "...великим благом было то, что в 1961 году отказались от административной деятельности. Это промыслительно потому, что последующие годы были трудные, но, если бы священники были у власти, то их всех бы пересадили на законном основании" [11, с. 397]. Имелись ввиду хозяйственно-административные нарушения дисциплины некоторых руководителей-настоятелей приходов, следствием которых были бы репрессии на законных основаниях.

В результате реформы Русская Православная Церковь потеряла около двух третей своего организационного состава [19, с. 26]. По указанию Совета по делам РПЦ Патриархия была вынуждена ликвидировать Сумскую, Челябинскую и Ульяновскую епархии. Закрывать монастыри и храмы [5, с. 101].

Одновременно с реформой был проведен "единовременный учет" количества всех церковных зданий, их площадь и габариты, количество треб, и количество посещающих. В Костромской области посещение церквей в дни религиозных праздников одновременно составляло 22 000 человек [4, с. 23]. В Москве, по данным уполномоченного Совета по делам РПЦ, 7 апреля 1959 года, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы действующие на тот момент 36 храмов (служили по две литургии) количество верующих составило 90–100 000 человек. Из них 90–95% составляли женщины и только 5–10% мужчины пожилого возраста [5, с. 3]. Несомненно, что такая статистика в пользу религиозности населения не дала развернуться маховику закрытий храмов на полную мощь.

Таблица

Численность православных храмов в регионах Центральной России в 1958–1963 гг. [13, л. 8, 10–11; д. 236, л. 72, 90, 112, 113, 150, 166, 178; д. 264, л. 93, 94, 135; д. 288; д. 495, л. 1–20, 70–73, 83–85; д. 494, л. 28, л. 53–56, 72–75, 88–96; д. 313, л. 178–180, 191–192; д. 486, л. 113–115].

Год/область	1958	1959	1960	1961	1962	1963
Владимирская	65	65	66	64	61	58
Ивановская	56	56	56	56	49	47
Калининская	91	91	88	78	78	56
Калужская	38	38	37	33	29	28
Костромская	80	80	81	77	77	73
г. Москва	н/д	н/д	45	45	45	44
Московская	211	211	161	157	145	135
Рязанская	76	76	76	70	65	60
Смоленская	54	54	54	46	41	38
Тульская	40	37	36	32	32	30
Ярославская	143	143	139	127	112	91

При проведении учета было выявлено много "бездействующих церквей, не используемых молитвенных зданий, затухающих приходов. Совет принял меры по ликвидации практики субсидирования подобных приходов финансово сильным приходами, что в конечном итоге привело к прекращению их существования. Под изъятие попали здания, и даже хозяйственные постройки, переданные Церкви во время войны и послевоенный период [1, с. 244]. В Ивановской епархии по состоянию

на 1 января 1961 года число приходов равнялось 56, то после "учета", через год, оно сократилось до 49 [15, с. 37]. Закрытие происходило неравномерно, в разные годы, в разных областях количество закрываемых храмов варьировалось по-разному. Власти мотивировали закрытие храмов как меру выравнивания количества церквей в регионах и в целом по стране, говоря о переизбытке церковных объектов и их нерентабельности. Церковные объекты передавались под культурно-хозяйственные нужды.

Из общего количества закрытых храмов одни были отданы под культурно-просветительские нужды (клубы, кинотеатры), другие – под хозяйственные (склады, цеха, и т.п.), либо были признаны подлежащими сносу.

Методы закрытия были разными. Решающую роль играл личностный фактор. В Кировской области закрытие церквей обычно происходило по произволу Областного уполномоченного Совета по делам РПЦ, который снимал с регистрации, или переводил в другое место священника церкви, намеченной к закрытию. Затем, он в течение 6–11 месяцев отказывался регистрировать в данную церковь кого-либо из предложенных епископом кандидатов [2, с. 69]. За время с 1960 по 1963 год, из 80 священников, служивших в Кировской области в 1959 году, 21 был снят с регистрации и ни один не поставлен на учет. Такие действия областных уполномоченных происходили повсеместно. Например, "священник села Межи Родниковского района Ивановской области о. И. Рябинин указом от 7 августа 1962 года был перемещен настоятелем церкви села Фелисова, того же района, с тем, чтобы настоятель церкви села Фелисово о. И. Табаков был перемещен в церковь села Межи. Когда протоиерей И. Табаков приехал в епархию за назначением в село Межи, то уполномоченный по делам РПЦ по Ивановской области Н. Желтухин попросил повременить с его назначением, ссылаясь на решение Ивановского облисполкома о закрытии церкви в селе Межи" [15, с. 109–110].

С 1960 по 1964 год из 75 действующих в 1959 году в Кировской области храмов было закрыто 40, что составило 53%. Семь деревянных молитвенных домов были полностью разрушены, одна церковь была взорвана, в других закрытых церквях разрушены интерьеры, иконы, книги и утварь сожжены, а сами здания обезображены. Всего в СССР в указанный период было закрыто более 10 000 церквей, что составляло половину всех действовавших после войны храмов [21, с. 70–71].

Пока церковь оставалась без священника, местные органы власти посредством запугивания старались принудить выйти из двадцатки несколькими членами. Затем уполномоченный объявлял о распаде церковной общины, облисполком выносил постановление о закрытии церкви и передаче здания местному колхозу или горсовету. Решение о закрытии храма не объявлялось церковной общине, а посылалось в Совет по делам РПЦ, который снимал с регистрации церковную общину и церковное здание передавал под клуб местному колхозу. Протесты верующих в основном в расчет не принимались, несмотря на их жалобы, на указание необоснованности и незаконности властей, закрывших храм, на протяжении, случалось, нескольких лет не показывали постановление о закрытии храма с целью скрыть формулировку и мотивацию.

Сама ликвидация молитвенного здания принимала форму грубого насилия. Она производилась под охраной милиции и дружинников. Материальные ценности изымались без всякой описи. В Кировской области ликвидация молитвенных зданий всегда сопровождалась варварским разрушением интерьеров [21, с. 71]; в Костроме тоже [22, с. 42]. Не везде властям удавалось закрывать храмы без сопротивления. Так, верующие со священноначалием отстояли Пюхтицкий монастырь, Александро-Невский храм в Таллине [8, с. 130, 135]. Иногда, на местах требования местных властей о закрытии храма принимали анекдотичные формы: "...не в писаниях и в словопрениях отстаивала Мартьяниха перед советской властью неотъемлемое конституционные права верующих. Когда председатель сельсовета прямо посреди села или у ворот церковной ограды приступал с грозными требованием "по постановлению советской власти и местных органов в сей момент сдать ключи от церкви для выполнения директив центра с целью ликвидации последних остатков безграмотности и пережитков буржуазного прошлого в сознании людей" (говорят, председатель зачитывал все свои речи по одной и той же бумажке), Мартьяниха незаботилась даже дослушать его до конца и неизменно показывала ему грязный кукиш... Кузька, конечно, легко мог вломиться в храм во время службы, мог найти на смутьянку управу, мог позвать милиционера и отнять ключи силой, а бабку отправить под конвоем на попутной телеге, а то и пешком в район или, совсем озлившись, проявить бдительность и заявить "куда следует" о возникновении в Ушакове вредительского центра. Да вот не вломился, не позвал, не донес почему-то. Чужая душа потемки, одному Богу ее судить" [22, с. 39].

Что же представляло из себя то, что ревнители новой жизни оставили потомкам после борьбы с "духовной сивухой"? Вот свидетельство костромского священника Георгия Эдельштейна, описывающее картину разорения храмов и неразрывно связанное с разрушением святынь, разорением всей жизни русской деревни на территории Центральной России: "Дивной красоты "памятники" стояли в окрестности. Только в Плещееве тот "памятник" разорен, в Залесье разорен, в Рождестве разорен дотла, до основания, один лишь уродливый шрам посреди сельского кладбища остался в Романове разорен, в Пилятине зимний и летний –оба разорены, в Ликурге два дивных красавца тоже разорены, а в усыпальнице Готовцевых, что между теми великолепными храмами стоит, несколько лет лошадей держали, все тут загажено, осквернено, надгробные плиты все перевернуты и стесаны. Спасибо, хоть в поповском доме пекарню устроили, уцелел дом. Воистину, по слову Писания "мерзость запустения стоит на святом месте... По подсчетам бабы Пани, из двадцати шести сел и деревень, откуда лет сорок назад "туча народу" в наш храм по большим праздникам приходила, до основания вымерло четырнадцать. Крапива и чертополохов на месте изб, садов и огородов. И священники в Ушакове в эти годы долго не задерживались, не то, что о. Александр, ушедший отсюда в лагерь и сюда же из лагеря вернувшийся, здесь же у стены покоящийся. Я (*протоиерей Г. Эдельштейн – прим. автора*), по ее подсчетам, семнадцатый: захудалый приход, бедный, малолюдный, непрестижный, изгоев сюда шлют" [22, с. 42–43].

Священнику Георгию вторит известный писатель А. Солженицын, художественно живописуя картину культурного разорения России в рассказе "Путешествие вдоль Оки": "Пройдя проселками Средней России, начинаешь понимать, в чем ключ умиротворяющего русского пейзажа. Он – в церквах... Но тыходишь в село и узнаешь, что не живые – убитые приветствовали тебя издали. Кресты давно сшиблены или скривлены; ободранный купол зияет остовом поржавевших ребер; растет бурьян на крышах и в расщелинах стен; редко еще сохранилось кладбище вокруг церкви; а то свалены и его кресты, выворочены могилы; заалтарные образы смыты дождями десятилетий, исписаны похабными надписями. На паперти – бочки с соляжкой, к ним разворачивается трактор. Или грузовик въехал кузовом в дверь притвора, берет мешки. В той церкви подрагивают станки. В эти камни, в колоколенки эти... наши предки вложили все свое лучшее, все свое понимание жизни. Ковыряй, Витька, долбай, не жалей! Кино будет в шесть, танцы в восемь..." [12, с. 315] Вот какими были последствия антирелигиозной компании 60–х, которая обезлюдилась, обезкультурилась русскую деревню и Россию. По сию пору мы "расхлебываем" последствия реформ и гонений на Церковь 60–х годов XX века.

Но и в эти лихие для русского самосознания годы выжил человек, сохранил он веру. И сохранили ее в основном люди самые, что ни на есть простые. Интересно, что в период общего религиозного одичания, сформировался тип людей, которые "жили своим приходским храмом" – прислуживали, пели, делали уборку, охраняли, пекли просфоры, собирали записки у тех, кто боялся прийти в храм, проводили катехизаторскую работу. Это чаще всего были престарелые, незамужние женщины (не факт, были и замужние), которые сознательно выбрали служение "при храме" в качестве цели своей жизни. Цитируя отца Георгия Эдельштейна: "Сама-то баба Паня не ушаковская, потаповская она, но Пресвятая Одигитрия-Путеводительница привела ее сюда, опередила ее судьбу: в Ушакове она вышла замуж. ...Но важнее имения и самого будущего мужа, крепко знала Параскева, жить в том благодатном месте, где Храм Божий сохранился". Сам отец Георгий вспоминает, как его мать не пустила его жить в Кенигсберг, мотивировав свой запрет тем, что "чужая земля и ни одной церкви там нет, в таком городе жить нельзя" [22, с. 44].

За борьбу с религией, за свое беспомыслие, за бездумные эксперименты, Советский Союз заплатил ценной уничтожения своих культурных корней и вымиранием целых областей Центральной России. За ошибки приходилось расплачиваться, как например, за хлеб – золотом [7, с. 613], благо, что земля наша имеет неисчерпаемые запасы полезных ископаемых, благо, что наши предки оставили нам великое наследство, которое мы считаем неистощимым. Но, самую высокую цену заплатил наш народ тем, что безвозвратно потеряны целые века древней духовной культуры России, которые веками воспитывали наш народ. Их уже не вернуть в том виде, какими они были. Самые страшные и невосполнимые потери – потери духовные, которые ведут к одичанию человека. Хочется верить, что уроки прошлого не останутся невыученными, и наши потомки не будут повторять их.

Список использованных источников

1. Васильева О. "Чувствую себя нервным от общего лада церковных дел..." // Альфа и Омега. – М., 2003. – № 2 (36). – С. 35–47.
2. Василий (Кривошеин). (архиепископ). Две встречи. – СПб. : Издательство "Сатис", 2003. – 246с.
3. Вступительное слово Святейшего Патриарха Алексия на Архиерейском соборе 18 июля 1961 года // Журнал Московской Патриархии. – 1961. – № 8. – С. 45–56.
4. Государственный архив Костромской области. – Ф.р–2102. – Оп. 5. – Д. 44.
5. Государственный архив Российской Федерации. – Ф.р–6991. – Оп. 2. – Д. 244.
6. Там же. – Д. 254.
7. Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. История советского союза с 1917 года до наших дней. – Overseas Publications Interchange Ltd. London, 1989. – 926 с.
8. Коновалов В., Сердюков М. Патриарх Алексей II жизнь и служение. На переломе тысячелетий. – М. : "ЭКСМО", 2012. – 254 с.
9. Никон (Фомичев). (архиепископ). Из моих воспоминаний // Журнал Московской Патриархии. – М., 1990. – № 6. – С. 54–57.
10. Отчетный доклад о работе уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Костромской области за 1961 год (извлечение) // Государственный архив Костромской области. – Ф.р–2102. – Оп. 5. – Д. 44.
11. Поместный Собор Русской Православной Церкви. 30 мая – 2 июня 1990: Материалы. – М. : Издание Московской Патриархии, 1990. – 316 с.
12. Солженицын А. И. Путешествие вдоль Оки. Рассказы. – М. : Мир книги, 2007. – 420 с.
13. Таблица составлена по Государственному архиву Российской Федерации. – Ф.р–6991. – Оп. 2. – Д. 235.
14. Тверская епархиальная научная библиотека архивный отдел. – Ф. 2. – Оп. 1.
15. Федотов А. А. История Ивановской епархии. – Иваново, 1998. – 400 с.
16. Центральный архив города Москвы. – Ф. 3004. – Оп. 2. – Л. 18, 4; Ф. 3004. – Оп. 2. – Д. 25.
17. Там же. – Д. 26.
18. Там же. – Д. 27.
19. Цыпин В. (прот.). История Русской Православной Церкви 1917–1990. – М. : Московская патриархия, Издательский дом "Хроника", 1994. – 387 с.
20. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. – М., 1999. – 479 с.
21. Штриккер Г. Русская Православная Церковь в советское время (1917–1991) // Материалы и документы по истории отношений между государством и Церковью. – М. : "Пропилей", 1995. – 462 с.
22. Эдельштейн Г. (прот.). Записки сельского священника. – М. : РГГУ, 2005. – 368 с.
23. Экономцев И. Записки провинциального священника. – М. : Вернал, 1993. – 345 с.

References

1. Vasil'eva O. "Chuvstvuyu sebja nervnym ot obshhego lada cerkovnyh del..." // Al'fa i Omega. – M., 2003. – № 2 (36). – S. 35–47.
2. Vasilij (Krivoshein). (arhiepiskop). Dve vstrechi. – SPb. : Izdatel'stvo "Satis", 2003. – 246 s.
3. Vstupitel'noe slovo Svjatejshego Patriarha Aleksija na Arhieriejskom sobore 18 ijulja 1961 goda // Zhurnal Moskovskoj Patriarhii. – 1961. – № 8. – S. 45–56.
4. Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti. – F.r–2102. – Op. 5. – D. 44.
5. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii. – F.r–6991. – Op. 2. – D. 244.
6. Tam zhe. – D. 254.
7. Geller M., Nekrich A. Utopija u vlasti. Istorija sovetskogo sojuza s 1917 goda do nashih dnei. – Overseas Publications Interchange Ltd. London, 1989. – 926 s.
8. Konovalov V., Serdjukov M. Patriarh Aleksij II zhizn' i sluzhenie. Na perelome tysjacheletij. – M. : "JeKSMO", 2012. – 254 s.
9. Nikon (Fomichev). (arhiepiskop). Iz moih vospominanij // Zhurnal Moskovskoj Patriarhii. – M., 1990. – № 6. – S. 54–57.
10. Otchetnyj doklad o rabote upolnomochennogo Soveta po de-

lam RPC pri SM SSSR po Kostromskoj oblasti za 1961 god (izvlechenie) // Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti. – F.r–2102. – Op. 5. – D. 44.

11. Pomestnyj Sobor Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi. 30 maja – 2 ijunja 1990: Materialy. – M. : Izdanie Moskovskoj Patriarhii, 1990. – 316 s.
12. Solzhenicyn A. I. Puteshestvie vdol' Oki. Rasskazy. – M. : Mir knigi, 2007. – 420 s.
13. Tablica sostavlena po Gosudarstvennomu arhivu Rossijskoj Federacii. – F.r–6991. – Op. 2. – D. 235.
14. Tverskaja eparhial'naja nauchnaja biblioteka arhivnyj otdel. – F. 2. – Op. 1.
15. Fedotov A. A. Istorija Ivanovskoj eparhii. – Ivanovo, 1998. – 400 s.
16. Central'nyj arhiv goroda Moskvy. – F. 3004. – Op. 2. – L. 18, 4; F. 3004. – Op. 2. – D. 25.
17. Tam zhe. – D. 26.
18. Tam zhe. – D. 27.
19. Cyпин V. (prot.). Istorija Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi 1917–1990. – M. : Moskovskaja patriarhija, Izdatel'skij dom "Hronika", 1994. – 387 s.
20. Shkarovskij M. V. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' pri Staline i Hrushheve. – M., 1999. – 479 s.
21. Shtrikker G. Russkaja Pravoslavnaja Cerkov' v sovetskoe vremja (1917–1991) // Materialy i dokumenty po istorii otnoshenij mezhdru gosudarstvom i Cerkov'ju. – M. : "Propilei", 1995. – 462 s.
22. Jedel'shtejn G. (prot.). Zapiski sel'skogo svjashhennika. – M. : RGGU, 2005. – 368 s.
23. Jekonomcev I. Zapiski provincial'nogo svjashhennika. – M. : Vernal, 1993. – 345 s.

Sazonov D. I., archpriest, the candidate of theology, the Church's doctoral postgraduate and doctoral them Saints Cyril and Methodius (Russia, Moscow), sazonow63@mail.ru

Consequences of the reforms adopted by the management of the parish local council in 1961 as a Russian cultural urological tragedy

As a result of pressure from the state church in 1961 was forced to reform aimed at the removal of the rector of the parish. As a result of the anti-religious temples and monasteries were closed than was irreparable damage not only to the historical heritage of Russia, but its ethnographic rod – the village. Despite the persecution of the Church stood on the Local Council in 1988 adopted the Charter on which control is returned to the church structure and which has been made possible thanks to a new type of relationship between the Church and the State.

Keywords: Church, parish administration reform, the state, the local council, the persecution of believers.

Сазонов Д. И., протоіерей, кандидат богослов'я, докторант, Загальноцерковна аспірантура і докторантура ім. святих Кирила і Мефодія (Росія, Москва), sazonow63@mail.ru

Наслідки прийнятої на Помісному соборі 1961 року реформи як культурологічної трагедії Росії

Внаслідок тиску держави Церква в 1961 році змушена була піти на реформу, метою якої було відсторонення настоятеля від управління приходом. В результаті антирелігійної компанії закривались храми і монастирі, чим було нанесено непоправну шкоду не тільки історичній спадщині Росії, а й її етнографічному стрижню – селу. Незважаючи на гоніння, Церква вистояла і на Помісному соборі 1988 р. був прийнятий Статут, згідно з яким управління поверталось в церковні структури, завдяки чому став можливий новий тип взаємовідносин Церкви і держави.

Ключові слова: церква, реформа, приходське управління, держава, Помісний собор, гоніння, віруючі.

* * *